

Поселения в устье реки Сысолы в древности и средневековье (к вопросу о влиянии климатических изменений на миграционные процессы)

И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vaskul@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В статье на основе данных археологии рассматривается история появления и исчезновения населенных пунктов на территории, прилегающей к устью р. Сысолы в пределах современного городского округа «Сыктывкар», в древности и средневековье в контексте происходивших климатических изменений и разделения уральской языковой общности.

Ключевые слова :

поселение, стоянка, миграции, климатические изменения, Сысола, Вычегда

Изучению истории столицы Республики Коми – города Сыктывкара – уделяется немалое внимание. Издано несколько обстоятельных научных и научно-популярных работ, в которых достаточно подробно рассматриваются многие аспекты политического, экономического и культурного развития города [1–8 и др.]. Информацию об археологических памятниках Присыктывкарья можно почерпнуть из работ археологов [9–11 и др.].

Демографическим процессам и, в частности, истории возникновения поселений на территории современного города уделяется существенно меньше внимания. В настоящей статье предпринята попытка проследить историю появления и исчезновения населенных пунктов на территории, прилегающей к устью р. Сысолы в пределах современного городского округа «Сыктывкар», в древности и средневековье в контексте происходивших климатических изменений и разделения уральской языковой общности.

Первые люди близ устья р. Сысолы появились в эпоху мезолита, когда небольшие группы охотников, собирателей и рыболовов, пришедшие из различных регионов, освоили практически все пространство современной Республики Коми, особенно долины крупных рек, их притоков и крупнейшие озера [12, с. 23]. В VII тыс. до н. э. (бореальный период) в Европе стало теплее, чем теперь; теплый воздух

Settlements at the mouth of the Sysola river in ancient times and the Middle Ages (on the impact of climate change on migration processes)

I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vaskul@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper, based on archaeological data, considers the history of the appearance and disappearance of settlements in the territory adjacent to the mouth of the river Sysola within the modern urban district “Syktyvkar”, in ancient times and the Middle Ages, in the context of climate changes and the division of the Ural language community.

Keywords :

settlement, site, migration, climate change, Sysola, Vychegda

проникал далеко на северо-восток; в основном растаяли северные ледниковые щиты [13, с. 40].

Именно к этому времени ученые относят самые ранние следы пребывания человека в Приустьсысолье. Они обнаружены в урочище Сыктывдиньяг на правом берегу Вычегды, у юго-западного берега оз. Эньты (озеро расположено на месте старого русла р. Вычегды; когда в эти места пришли первые люди, здесь еще текла река). Примерно в 2 км от современного пос. Седкыркеш в VII тыс. до н. э. появилось небольшое поселение древних людей, известное у археологов как поселение Эньты III. Следов от пребывания первопроходцев осталось немного: остатки наземного четырехугольного жилища площадью около 6 кв. м, вероятно, – шалаша или чума, кремневые изделия [10, с. 89]. Можно предположить, что люди оставались тут не очень долго, только в теплый сезон, особенно если поселение существовало в последние века VII тыс., когда несколько похолодало [13, с. 40].

Происхождение основателей поселения определить сложно, но ими могли быть, например, представители племен иеневской или бутовской культур Волго-Окского междуречья. Это были охотники, которые вели бродячий образ жизни, жили в недолговременных поселениях, в жилищах в виде шалашей или чумов [14–16, с. 63–65]. На вычегодские берега они могли попасть, переходя с Шекс-

ны, Унжи или иных притоков Волги в бассейн Северной Двины – на Сухону или Юг.

Место, расположенное не столь уж далеко от впадения Сысолы в Вычегду, оказалось весьма привлекательным для древнего человека, и на протяжении шести последующих тысячелетий там продолжали время от времени селиться люди. Археологи обнаружили несколько разновременных следов их пребывания на вычегодских (нынешних энзтьтских) берегах [10, с. 89–92]. Это неудивительно: поскольку реки и в те времена, и еще тысячелетия спустя, служили на крайнем Северо-Востоке Европы главными путями передвижения, то пришельцы, откуда бы они не шли (с юга – по Сыsole, с запада – по нижней Вычегде, или с востока – по верхней Вычегде), не могли миновать перекресток многих дорог – район устья Сысолы.

О следующих обитателях Сыктывдиньяга, побывавших тут в раннем неолите (стоянка Энзты V, первая половина VI тыс. до н. э.), известно, что они изготавливали керамику [10]. Возможно, они принесли с собой навыки работы с глиной из более южных регионов (где керамика появилась значительно раньше), в частности, из того же Волго-Окского междуречья [17]. Это могло иметь место, поскольку в эпоху неолита активизируются миграционные процессы, население перемещается на новые территории [12, с. 24]. А очередное улучшение климата (бореальный период в VI в. сменился еще более теплым атлантическим [13, с. 40.]) сделало Север более привлекательным для переселенцев с юга. Но однозначно решить вопрос о происхождении основателей Энзты V пока не представляется возможным [16, с. 13, 14]. О том, что представляло из себя это раннеолитическое поселение (стоянка), к сожалению, данных нет.

Во второй половине VI тыс. до н. э. люди устроились в Сыктывдиньяге несколько более основательно: археологи открыли здесь относящуюся к указанному периоду стоянку Энзты I с одной или двумя жилыми постройками, в которых имелись очаги [10, с. 89]. Следовательно, здесь можно было жить не только летом, но и зимой.

Отметим, что новая фаза потепления ознаменовалась рождением уральской языковой общности, объединявшей далеких предков нынешних финно-угорских и самодийских народов. Исследователи говорят о ее существовании уже применительно к VI тыс. до н. э. [18, с. 159; 19, с. 13]. Прародина уральских народов находилась, вероятно, в Западной Сибири [20, с. 105]. На Европейском Северо-Востоке в VI тыс. до н. э. уральских племен, надо полагать, не было. Возможно, неолитические обитатели берегов Энзты и Ваднюра были переселенцами из Верхнего Поволжья [21, с. 25], как и их мезолитические предшественники. Они могли принадлежать к племенам неолитической верхневолжской культуры (сформировавшейся на основе уже упоминавшейся мезолитической бутовской культуры), занимавшимся охотой и рыболовством и жившим в поселениях на берегах рек и озер в жилищах овальной, округлой или прямоугольной формы с очагами [21]. Именно в жилищах таких форм обитали жители усть-сысольского района в среднем неолите. Орнамент, украшающий найденную

в Энзты I посуду, также имеет аналогии в верхневолжской культуре.

В V тыс. до н. э. потепление продолжалось. Улучшение климатических условий дало возможность получать больше продуктов питания в обжитых районах. Например, потепление позволило, очевидно, вылавливать больше рыбы во внутренних водоемах – поскольку «для большинства пород рыб повышение температуры воды и продолжительности теплого периода способствует быстрому росту рыбы <...> Климатические факторы, регулирующие качество воды, могут выступать в роли физиологических стимуляторов, особенно в период размножения рыбы» [22, с. 86]. Расширились, несомненно, возможности сбора различных ягод и прочих даров леса.

В результате первая половина V тыс. до н. э. ознаменовалась в районе впадения Сысолы в Вычегду своего рода «демографическим взрывом»: тут существовало пять поселений. Четыре из них с остатками жилых построек (от одной до пяти) по-прежнему располагались возле нынешнего озера Энзты: среднеолитические стоянки Энзты I и Энзты III, поселения Энзты IV и Энзты VI. На Энзты I раскопано одно большое жилище площадью 7 x 22.5 м (157.5 кв. м), слабо углубленное в землю, на Энзты VI – два углубленных в землю прямоугольных жилища, одно из них с очагом [10, с. 89, 90]. На Энзты III обнаружены пять жилищ различных типов. Существовали, например, округлые или овальные, наземные жилища площадью от 7 до 30 кв. м, с очагом и без очага; возможно, небольшие жилища без очага являлись летними, а более крупные, с очагами – зимними. Имелись и жилища иной формы – прямоугольные, слегка или более значительно углубленные в землю, с одним или двумя выходами, площадью от 35 до 100 кв. м, с очагами; они, вероятно, являлись зимними жилищами. Таким образом, в строительстве жилищ был достигнут заметный прогресс [12, с. 25, 26].

В первой половине V тыс. до н. э. человек обжил еще одно место на правобережье Вычегды, расположенное примерно в 1.5 км от современного пос. Седкыркещ вблизи заболоченного оз. Ваднюр. Археологи открыли там поселения Ваднюр V и Ваднюр VI. На первом из них выявлены следы шести жилищ [10, с. 91]. Если бы они существовали одновременно, то для той эпохи это был бы почти мегаполис. Однако, скорее всего, между появлениями разных жилищ пролегли столетия. Вероятно, здесь периодически в течение зимнего сезона жили в одном-единственном жилище большие семьи. Потом люди уходили, а через длительные промежутки времени на их место приходили другие.

Среднеолитические жители рассматриваемой территории происходили, вероятно, с верхней Волги (как и их предшественники). Их связывают с льяловской археологической культурой [10, с. 89–91; 23, с. 323–335]. Быт приусть-сысольского населения в среднем неолите стал более оседлым и разнообразным, но в целом охотничье-рыболовецкие племена продолжали сохранять довольно подвижный образ жизни. Так что их пребывание на Европейском Северо-Востоке и близ устья Сысолы, в частности,

вряд ли носило характер окончательного переселения на новое постоянное место жительства.

В IV тыс. до н. э. население исследуемой территории, вполне вероятно, поменялось. Представители верхневолжских племен (кто бы они ни были – загадочные «палеоевропейцы», древние индоевропейцы, далекие предки балтов, славян и германцев – версий довольно много) уступили место племенам, пришедшим, возможно, со стороны Урала.

На рубеже V и IV тыс. до н. э. в процессе массовых миграций и – вследствие этого – территориального отдаления одной группы уральцев от другой, вероятно, произошло разделение уральской языковой общности на самодийскую и финно-угорскую [18, с. 122, 172]. Какая-то часть финно-угорских племен в ходе переселений, возможно, переместилась через Урал. Археолог А. Х. Халиков указывал на общность населения, жившего в IV тыс. до н. э. в бассейне Камы и на оставшейся за финно-уграми части западносибирской прародины уральцев по другую сторону Урала [24].

Климатический оптимум продолжался в течение почти всего IV тыс. до н. э. В результате могли произойти определенные изменения ландшафта: почва становилась более сухой, степи постепенно лишались растительности, становясь полупустынями, а степная полоса сдвигалась на север, где ранее располагались луга; вслед за изменением растительного мира вынуждены были перемещаться и животные (об аналогичных процессах применительно к существенно более позднему времени писал Л. Н. Гумилев [25, с. 200]).

Вследствие этого население районов, лежавших к югу от территории расселения финно-угров, спасаясь от засухи, вынуждено было, видимо, в поисках пропитания переселяться севернее, оттесняя или смешиваясь с финно-угорскими племенами (о притоке индоевропейских пришельцев с юга в IV тыс. до н. э. на былую уральскую прародину писал А. Х. Халиков [24]). Одним из результатов притока переселенцев с юга могла стать миграция оттесняемой ими с места первоначального жительства части финно-угров на запад, в сторону Волго-Окского междуречья и отчасти Европейского Севера, который в условиях весьма теплого климата той поры мог оказаться вполне привлекательным для переселенцев.

Вынужденно продвигаясь на новые территории, финно-угры, в свою очередь, могли постепенно оттеснять с занимаемых ими территорий или частично ассимилировать племена верхневолжской культуры, которые в конечном итоге оказались отрезанными от Европейского Северо-Востока и перестали посещать его и основывать там свои поселения. Правда, как правило, предполагается, что эти пришельцы явились не с востока, а с северо-запада. Но мог иметь место и более сложный и долгий переселенческий процесс, и сходство культур пришлого населения Волго-Окского междуречья и населения Северо-Запада Европы может объясняться продвижением финно-угров в IV тыс. до н. э. в оба эти региона, вплоть до Карелии и Финляндии [26, с. 41].

В первой половине IV тыс. до н. э. Приустьсье-солье оставалось, возможно, незаселенным. Но во второй половине IV – начале III тыс. до н. э. (финальная стадия неолита и начало эпохи раннего металла) здесь появились люди, основавшие поселение, известное археологам как Ваднюр I. Ученые выявили на поселении 20 жилищ. Одно из них, например, площадью около 72 кв. м, прямоугольной формы, было углублено в землю, имело шесть очагов и довольно сложную систему вентиляции и отопления жилища [27]. Это может свидетельствовать как об основательности самого жилища и поселения, так и об относительной многочисленности его обитателей.

Радиоуглеродное датирование показало, что поселение существовало в 3376–2904 гг. до н. э. Примечательно, что приблизительно в 3300–3200 гг. до н. э. на территории современной Финляндии появился народ, имевший, возможно, финно-угорские черты [26, с. 41]. Можно предположить, что и то, и другое – результаты одного мощного финно-угорского миграционного потока, затронувшего обширнейшую территорию Европейского Севера и примыкающую к нему часть Верхнего Поволжья. В литературе уже высказано мнение о продвижении уральцев и/или финно-угров в эпоху неолита на Европейский Северо-Восток [12, с. 25]. Можно предположить, что жители поселения Ваднюр I говорили на одном из говоров (диалектов, наречий) пока еще общего финно-угорского языка.

Выдвигалось предположение, что уже в эту эпоху (т. е. не позднее IV тыс. до н. э.) Европейский Северо-Восток вошел «в ареал культур финно-пермской общности, выделенной из финно-угорской» [12, с. 26]. Однако распад финно-угорской общности произошел существенно позже, на рубеже III и II тыс. до н. э. А до этого финно-угры существовали до конца неолита в относительном единстве – относительном, потому что в условиях низкой плотности населения, больших расстояний, отделявших местожительства разных родов, нечастых контактов между ними неизбежно возникали некоторые местные лингвистические различия [18, с. 171, 172] а также, вполне возможно, различия в культурно-бытовой и хозяйственной специфике разных локальных групп.

Существование поселения Ваднюр I можно соотнести с последним периодом климатического оптимума. В начале III тыс. до н. э. наступил суббореальный период, для которого были в целом характерны климатические аномалии, не способствовавшие стабильности хозяйственного развития. В начале нового, менее благоприятного климатического периода, вероятно, и перестало существовать поселение Ваднюр I.

Климатическая ситуация в первой половине III тыс. до н. э. была нестабильной. В середине III тыс. до н. э. из-за очередного изменения климата на Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон [28]. В этих условиях в финно-угорских родах и племенах вновь возникла проблема «избыточного» населения, и усилилась миграционная подвижность жителей. Часть из них переселялась на запад, за Урал, где уже имелись родственные племена – в бассейн

Камы, а также в верховья Вычегды и Печоры, а затем, возможно, и дальше [18, с. 79, 80, 161, 162; 29, с. 5].

Не исключено, что именно с этими миграциями связано появление в уже знакомых местах на правом берегу Вычегды новых поселений эпохи энеолита (III – середина II тыс. до н. э.): Эньты II, IV и VII и Ваднюр II, III, IV и VI. В поселениях располагались слегка углубленные в землю прямоугольные жилища, количество которых было различно: Ваднюр II – девять жилищ, Ваднюр III – четыре, Ваднюр IV – три, Ваднюр V – шесть. В Эньты VII обнаружены две четырехугольные полуземлянки, в Эньты II – одно углубленное прямоугольное жилище площадью 6,5 x 13 м (около 85 кв. м) [10, с. 89–91].

В итоге указанных выше переселенческих процессов началось постепенное обособление разделенных Уральскими горами финно-угорских племен на две ветви, контакты между которыми слабели. Выдвигалось даже предположение, что финно-угорская общность во второй половине III тыс. до н. э. распалась, причем именно по природно-климатическим причинам, и в Зауралье между 2600 и 2100 гг. до н. э. сложилась угорская этнолингвистическая общность [28]. Большинство исследователей, однако, датируют этот процесс существенно более поздним временем [18, с. 172; 20, с. 105, 106].

На рубеже III и II тыс. до н. э. наступило новое (не слишком продолжительное) похолодание. В Европе климат был весьма влажным [13, с. 42, 43]. Аналогичные условия сложились и по обеим сторонам Урала. В очередной раз заявила о себе проблема «избыточного населения», решавшаяся, как и прежде, за счет миграций. Часть племен финно-угров продвигались из ставших перенаселенными районов на запад, в бассейн Оки, и далее до Прибалтики, где они стали доминировать, другая часть – на юг [29, с. 7; 30, с. 101]. Двигавшиеся в расходящихся направлениях миграционные потоки привели на рубеже III и II тысячелетий к распаду финно-угорской общности на две группы: угорскую и прафинно-пермскую [18, с. 172].

Есть предположения, что в тот же период имели место и миграции в более северные районы, на Вычегду и Печору [там же, с. 162], и что распад произошел на три группы: угорскую, прафинно-волжскую и прапермскую [20, с. 105–106]. Полагаем, однако, что – поскольку похолодание рубежа тысячелетий все же существенно препятствовало освоению северных районов – более вероятно некоторое отставание по времени переселений на север от миграций в западном направлении. Северные миграции (во всяком случае, относительно массовые), видимо, начались несколько позднее, ближе к середине II тыс. до н. э., когда стало заметно теплее. А в конце III – начале II тыс. до н. э., скорее, мог наблюдаться обратный процесс – отток части населения с Севера. Возможно, с этим было связано запустение поселений Эньты II и VII.

Но большинство поселений Приустьсысоля – Эньты IV и Ваднюр II, III, IV, VI – продолжали существовать [10, с. 90, 91]. Вероятно, ситуация с добычей продуктов питания не была полностью катастрофической, и для уменьшившегося населения хватало зверя, рыбы и растительных даров леса. К тому же климатическая ситуация постепенно

улучшалась, и те поселения, которым удалось пережить относительно холодный период, получили возможность развиваться в более благоприятных условиях.

Около 1500 г. до н. э. климат и зимой, и летом практически на всей территории нынешней России был теплее и суше [13, с. 49]. С улучшением климатических условий возобновился и стал постепенно нарастать приток населения на север, достигнув пика, вероятно, к середине II тыс. до н. э. Переселенцы, вероятно, принесли с собой опыт изготовления бронзовых изделий, и на Европейском Северо-Востоке наступила эпоха бронзы. С этим миграционным потоком можно связать возникновение во II тыс. до н. э. в Приустьсысолье трех новых поселений – стоянки Лемью, поселений Вад-Нюр VI и Красная Гора [10, с. 89, 92].

Обращает на себя внимание тот факт, что стоянка Лемью и поселение Красная Гора впервые появились не на правом берегу Вычегды, а на другой стороне. Стоянка Лемью располагалась на левом берегу Вычегды, напротив Эньты; возможно, река к этому времени заметно изменила русло, и поселения Эньты.

Поселение Красная Гора¹ возникло на существенном отдалении от предыдущих мест обитания жителей Приустьсысоля и было отделено от остальных поселений того времени Вычегдой и Сысолой, на берегу которой расположилось. Возможно, выбор более изолированного места жительства был вызван иным составом первопоселенцев. Если основатели Лемью, поселившиеся вблизи Эньты, вероятно, как и эньтыцы, принадлежали к финно-уграм, то обитатели Красной Горы имели иное происхождение.

Найденный на Красной Горе бронзовый кельт связывают с сейминско-турбинским межкультурным феноменом [10, с. 92] – индоевропейскими (вероятно) племенами, сложившимися в ходе синтеза ряда культур, оставившими в лесной и лесостепной полосе Евразии серию археологических памятников со специфическими бронзовыми изделиями [32]. Объединение алтайских металлургов и коневодов и лесных охотников и рыболовов бассейна верхнего Енисея и Прибайкалья, во II тыс. до н. э. согнанных с места изменениями климата (первые – усыханием и отступлением на север степей, вторые – тайги), в поисках нового жизненного пространства стремительно продвинулось на запад до Поволжья и Европейского Северо-Востока [12, с. 29].

Разнонаправленность миграций прафинно-пермских племен (одна группа расселялась на север, другая – на запад), значительную отдаленность одного осваивавшегося региона от другого, их заметное природно-климатическое отличие, а также вполне вероятные значительные этнокультурные различия между дофинноугорскими обитателями двух этих регионов, влившимися в конце концов в состав финноязычных пришельцев, не могли не разрушить рано или поздно прафинно-пермскую языковую общность. «Спусковым крючком» распада, возможно, стали миграции носителей сейминско-турбинского меж-

¹ А. В. Збруева, побывавшая в Коми АССР в археолого-этнографической экспедиции в 1945 г., приводит название «урочище Шойна-яг, которое у современного населения носит название Красной или Золотой горы» [31, л. 4, 5].

культурного феномена и вызванное ими передвижение населения Волго-Камского региона. В середине II тыс. до н. э. прафинно-пермская общность разделилась на прафинно-волжскую и прапермскую [18, с. 199]. Обитатели приустьсыольских поселений (кроме Красной Горы) принадлежали, вероятно, к племенам прапермской общности.

Использование медных и бронзовых изделий позволило заметно облегчить труд людей. Однако металла было слишком мало для того, чтобы оснастить ими всех. Между тем рост населения требовал большего количества пищи, а в условиях присваивающего (охотничье-рыболовческо-собираательского) хозяйства с увеличением добычи пропитания в одних и тех же местах рано или поздно возникают проблемы: истребляемое во все больших количествах поголовье зверя, птицы, рыбы не успевает восстанавливаться; растительные дары леса тоже небезграничны.

Конечно, в сравнении с позднейшими временами плотность населения Приустьсыолья, несмотря на прирост, оставалась весьма низкой, однако и состояние оружия и орудий труда оставалось невысоким, а это непосредственно влияло на состояние охоты и рыболовства – повысить ее результативность с прежним инвентарем было невозможно.

Свою роль сыграли глобальные изменения климата. В первые века I тыс. до н. э. температура понизилась, что стало особенно заметно в IX в. до н. э., когда наступил холодный субатлантический период с влажными ветренными зимами и преобладанием холодных летних сезонов [13, с. 49, 50, 55; 33]. Вторая половина I тыс. до н. э. (особенно последние века) оказалась весьма холодной (в некоторых регионах – самой холодной в этом тысячелетии). Что естественным образом вновь привело к появлению относительно избыточного населения, интенсификации миграционных процессов.

Не мог помочь даже свершившийся в VIII в. до н. э. переход к раннему железному веку, к использованию более совершенных орудий труда, позволявших затрачивать существенно меньше сил на строительство более основательных и теплых жилищ, заготовку дров для их обогрева, и более эффективного охотничьего оружия. Когда все доступные уголья в окрестностях поселений были освоены охотниками, рыболовами и собирателями до такой степени, что истощились едва ли не полностью и не могли обеспечить население ни животной, ни растительной пищей не только для прироста, но даже для поддержания его численности на прежнем уровне, наступал голод, повышалась смертность населения. Оставался единственный выход: уходить в поисках пропитания в другие, более благоприятные для жизни регионы. Вполне возможно, что именно это и произошло в Приустьсыолье в ту эпоху. Вероятно, именно с похолоданием и вызванными им последствиями в I тыс. до н. э. перестали существовать все поселения у Эньты, большинство поселений у Ваднюра и поселение Красная Гора. Немногочисленные обломки глиняной посуды эпохи раннего железа известны на поселениях Ваднюр I (найден фрагмент верхней части сосуда с воротничком, декорированный наклонными от-

тисками 4-зубого штампа; раскопки Э. С. Логиновой 1975 г. [34]) и Ваднюр VI [10, с. 91, 92].

С похолоданием можно связать и начавшийся процесс распада прапермской языковой общности, которую начиная с VIII в. до н. э. исследователи связывают с памятниками ананьинской историко-культурной общности. По мнению исследователей, в тот период в Приуралье происходило сосредоточение населения на более компактных территориях [35]. Ананьинская общность в конце III в. до н. э. разделилась на гляденовскую (связанную с предками коми и коми-пермяков) и пьяноборскую (предки удмуртов) [12, с. 36]. Территория расселения племен гляденовской культуры сократилась в сравнении с предшествовавшим периодом, что в условиях ухудшения климата и неудивительно (следует отметить, что разделение ананьинской археологической культуры на две части еще не означало окончательного распада прапермской языковой общности. Процесс расхождения языков продолжался еще несколько веков, а его завершение П. Хайду относит к VIII или IX вв. н. э. [18, с. 49, 173, 200]).

Очередное запустение Приустьсыолья можно предположительно связать с влиянием масштабных миграций, вошедших в историю как Великое переселение народов. Глобальное потепление климата в середине I тыс. н. э. привело к засухе. Гунны и другие кочевые степные племена отправились на поиски новых пастбищ и водоемов, преодолевая огромные пространства Азии и Европы. Воздействие Великого переселения в значительной мере испытали на себе угорские племена, предки марийцев, мордвы, удмуртов, коми-пермяков и даже (хотя и в значительно меньшей степени) Европейский Северо-Восток. Группы скотоводческого населения (возможно, из степей Южного Зауралья) вторглись в Прикамье, оттуда в V в. – в Вычегодский край (слабозаселенный и ставший вследствие потепления более приемлемым для их образа жизни). Судя по тому, что их захоронения в виде курганов остались на Сыsole, Выми, Ижме и в бассейне верхней Вычегды [12, с. 39, 40], эти кочевники, направляясь с Сысолы на Вычегду и Вымь, несомненно, прошли через земли в устье Сысолы. Это привело к прекращению развития памятников гляденовской культурной общности в бассейне р. Вычегды. Кочевники в устье Сысолы не задержались – их курганных могильников в этих местах не обнаружено. Этническая принадлежность кочевников дискуссионна. Это могли быть племена, имевшие отношение к гуннскому союзу, угры, тюрки или смешанные по составу переселенцы, которые к VII в. слились с местным населением, войдя в состав населения вновь возникавших объединений [35; 36, с. 39; 24].

Вторжение кочевников повлияло на разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные. В VI–VII вв. в Прикамье образовалась ломоватовская археологическая культура, которая связывается с предками коми-пермяков [35]. В Вычегодском крае и на верхней Мезени складывается ванвиздинская археологическая культура VI–X вв., этническая принадлежность которой дискуссионна [12; 36; 37; 38, с. 314–317]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы

говорили на одном из языков уральской семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков. Как отмечал, в частности, Л. Н. Жеребцов, «нет оснований выделять ванвиздинский период из круга финно-пермских культур и считать его привнесенным со стороны» [39].

Во второй половине I тысячелетия, после того как нашествие кочевников прекратилось (в VI–VII вв. несколько похолодало), близ устья Сысолы опять появились поселения, основанные ванвиздинцами. Одна группа людей снова поселилась на Красной Горе, вторая – основала поселение на юго-западной оконечности острова Нидзьяс (между основным руслом Вычегды и протокой Сертполой), примерно в 1,5 км от современного пос. Емваль [10, с. 92]. Отмечается близость материальных остатков, найденных на этих поселениях, а также на расположенном ниже по р. Вычегде поселении ванвиздинской культуры у с. Зеленец [40, с. 153–156]. Вполне возможно, что жители поселений говорили на языке, общем для далеких предков коми и коми-пермяков.

Дальнейшие климатические изменения привели к малому климатическому оптимуму VIII–XIII вв., сыгравшему весьма важную роль в истории различных народов. В начале климатического оптимума завершился распад пермской общности. В IX в. на верхней Каме и ее притоках сложилась родановская археологическая культура, принадлежавшая предкам коми-пермяков [35]. В первой трети XI в. сформировалась археологическая культура перми вычегодской – предков древних коми (зырян) [12; 37; 41; 42], на складывание которой оказал непосредственное влияние малый климатический оптимум [43–46].

В позднем средневековье в районе устья Сысолы люди (вероятно, пермяне вычегодские) обитали только на Красной Горе. А. В. Збруева выдвинула, в частности, предположение о наличии здесь могильника, сведения о котором упоминаются и в других источниках [10, с. 92; 31, л. 4, 5; 47]. Когда именно поселение на Красной Горе перестало существовать, не известно. Можно предположить, что исчезновение поселения Красная Гора связано с одним из военных столкновений, имевших место на вычегодско-сысольских берегах в конце XIV – середине XV вв.

В 1386 г. новгородцы захватили Вычегодский край, но отряды Дмитрия Донского изгнали их. В конце XIV в. Василий I Московский вступил в длительную войну с новгородцами за Заволочье, шедшую с переменным успехом. В 1392 г. состоялся поход вогулов на Усть-Вымь. В 1438 г. на устюжские земли и земли Коми края напали вятчане, разоряя и сжигая селения, жители которых «скрылись по лесам». В 1450 г. отряды с Вятки вновь напали «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святей грабили, церковное все поимали». Кроме того, в 1445 г. состоялся последний крупный поход новгородского войска под руководством воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлева в Югру, закончившийся неудачей. В 1455 г. вогулы совершили набег на вычегодские селения; от их руки погиб епископ Питирим Пермский [48].

Только после того, как во 2-й половине XV в. московское войско при участии рати вычегжан и сысольцев нанесло вогулам несколько поражений, а в XVI в. вогулы

откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал [46], коми получили возможность приступить к новому освоению земель близ впадения Сысолы в Вычегду. Эту часть демографической истории Присыктывкарья можно уже проследить по письменным источникам.

Источники и литература

1. История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1980. – 288 с.
2. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / науч. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2020. – 662 с.
3. Сыктывкар и сыктывкарцы / сост. Л. А. Лыткин. – Сыктывкар, 2004. – 272 с.
4. Рогачев, М. Б. «Столица зырянского края»: Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков / М. Б. Рогачев. – Сыктывкар, 2006, 2010. – 248 с.
5. Жеребцов, И. Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми : историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1994. – 272 с.
6. Жеребцов, И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2000. – 448 с.
7. Жеребцов, И. Л. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Москва : Наука, 2001. – 580 с.
8. Обедков, А. П. Стольный город Сыктывкар / А. П. Обедков. – Сыктывкар : Пролог, 1996. – 80 с.
9. Стоколос, В. С. Археологическая карта Коми АССР / В. С. Стоколос, К. С. Королев. – Москва : Наука, 1984. – 126 с.
10. Археологическая карта Республики Коми / отв. ред. В. Н. Карманов. – Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2014. – 416 с.
11. Археология Республики Коми / отв. ред. Э. А. Савельева. – Москва, 1997. – 756 с.
12. Савельева, Э. А. Архаичные общества на территории Коми края / Э. А. Савельева // История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар : Анбур, 2011. – Т. 1. – С. 16–60.
13. Борисенков, Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – Москва, 1988. – 526 с.
14. Кольцов, Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – Москва : Наука, 1999. – 155 с.
15. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения / А. Н. Сорокин. – Москва, 2006. – 214 с.
16. Карманов, В. Н. Неолит европейского Северо-Востока / В. Н. Карманов. – Сыктывкар: Издательство Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 226 с.
17. Цветкова, Н. А. Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге / А. Н. Цветкова // Самарский научный вестник. Исторические науки и археология. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 119–131.

18. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. – Москва, 1985. – 430 с.
19. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т. М. Исламов. – Москва, 1991. – 606 с.
20. Савельева, Э. А. Уральские народы / Э. А. Савельева // Атлас Республики Коми. – Москва, 2001. – С. 102–107.
21. Крайнов, Д. А. Верхневолжская культура / Д. А. Крайнов // Неолит Северной Евразии. – Москва, 1996. – С. 166–172.
22. Борисенков, Е. П. Климат и деятельность человека / Е. П. Борисенков. – Москва, 1982. – 133 с.
23. Карманов, В. Н. Льяловская культура на Европейском Северо-Востоке / В. Н. Карманов // Археология Волго-Уралья. – Казань : Издательство АН РТ, 2021. – Т. 1. – С. 323–335.
24. Халиков, А. Х. Древняя история Среднего Поволжья / А. Х. Халиков. – Москва, 1969. – 395 с.
25. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
26. Ютиккала, Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. / Э. Ютиккала // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995. – С. 39–67.
27. Карманов, В. Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) / В. Н. Карманов // Проблемы археологического изучения Северо-Востока Европы. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 55–85.
28. Вереш, П. Проблема определения финно-угорской прародины в свете новых данных / П. Вереш // Этнография народов Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 95–105.
29. Какх, Ю. История Эстонской ССР / Ю. Какх, К. Сийли-васк. – Таллинн, 1987. – 233 с.
30. Ярв, А. История Эстонии / А. Ярв // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995. – С. 99–144.
31. Збруева, А. В. Дневник археологического отряда экспедиции Института этнографии АН СССР 1945 г. / А. В. Збруева // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 204.
32. Черных, Е. Н. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. – Москва, 1989. – 320 с.
33. Борисенков, Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – Ленинград, 1983. – 240 с.
34. Научный музей археологии Европейского Северо-Востока ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Кол. № 710/57.
35. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. – Москва, 1989. – 604 с.
36. Мурыгин, А. М. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья / А. М. Мурыгин, К. С. Королев, В. А. Ляшев. – Сыктывкар, 1984. – 54 с.
37. Савельева, Э. А. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми / Э. А. Савельева. – Москва : Наука, 1971. – 228 с.
38. Савельева, Э. А. Пермь Вычегодская / Э. А. Савельева, К. С. Королев, Т. В. Истомина // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 299–349.
39. Жеребцов, Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / Л. Н. Жеребцов. – Москва : Наука, 1982. – 224 с.
40. Чеснокова, Н. Н. Местонахождение Нидзьяс в районе Сыктывкара / Н. Н. Чеснокова // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока : Межвузовский сборник научных статей. – Пермь : Пермский университет, 1985. – С. 153–156.
41. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – 200 с.
42. Савельева, Э. А. Кичильковский I могильник XI–XIII вв. / Э. А. Савельева. – Сыктывкар, 2019. – 232 с.
43. Жеребцов, И. Л. Влияние изменений климата на процессы заселения Европейского Севера России / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2007. – 32 с.
44. Жеребцов, И. Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера / И. Л. Жеребцов // Идентичность и изменяющийся мир: материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, г. Ханты-Мансийск, Россия. 2008 г.). – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2008. – С. 31–47.
45. Жеребцов, И. Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек / И. Л. Жеребцов // Природа. – 2000. – № 7. – С. 71–75.
46. Жеребцов, И. Л. К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов / И. Л. Жеребцов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1. – С. 5–43.
47. Лашук, Л. П. Стоянка Красная Гора близ Сыктывкара / Л. П. Лашук // Известия Коми филиала ВГО. – Сыктывкар, 1955. – Вып. 3. – С. 72–77.
48. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы-89. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. – С. 23–34.

References

1. Istoriya Syktyvkara [History of Syktyvkar] / Ed. I. B. Berkhin. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 1980. – 288 p.
2. Syktyvkar v proshlom i nastoyaschem (istoricheskie ocherki) [Syktyvkar in the past and present (historical essays)] / Sci. Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2020. – 662 p.
3. Syktyvkar i syktyvkartsy [Syktyvkar and Syktyvkar residents] / Comp. L. A. Lytkin. – Syktyvkar, 2004. – 272 p..
4. Rogachev, M. B. "Stolitsa zyryanskogo kraja": Ocherki istorii Ust-Sysolska konca XVIII–nachala XX vekov ["The capital of the Zyryan region": Essays on the history of Ust-Sysolsk at the end of the XVIII – beginning of the XX centuries] / M. B. Rogachev. – Syktyvkar, 2006, 2010. – 248 p.
5. Zherebtsov, I. L. Gde ty zhivesh. Naselennye punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskii spravopchnik [Where do you live. Settlements of the Komi Republic:

- historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 1994. – 272 p.
6. Zherebtsov, I. L. Gde ty zhivesh: Naselennie punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskii spravopchnik [Where do you live: Settlements of the Komi Republic. Historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 2000. – 448 p.
  7. Zherebtsov, I. L. Naselennie punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskii spravopchnik [Settlements of the Komi Republic: historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 2001. – 580 p.
  8. Obedkov, A. P. Stolnii gorod Syktyvkar [The capital city of Syktyvkar] / A. P. Obedkov. – Syktyvkar: Prologue, 1996. – 80 p.
  9. Stokolos, V. S. Arkheologicheskaya karta Komi ASSR [Archaeological map of the Komi ASSR] / V. S. Stokolos, K. S. Korolev. – Moscow: Nauka, 1984. – 126 p.
  10. Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic] / Ed. V. N. Karmanov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 416 p.
  11. Arkheologiya Respubliki Komi [Archeology of the Komi Republic] / Ed. E. A. Savelyeva. – Moscow, 1997. – 756 p.
  12. Savelyeva, E. A. Arhaichnie obschestva na territorii Komi kraia [Archaic societies on the territory of the Komi region] / E. A. Savelyeva // Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Syktyvkar: Anbur, 2011. – Vol. 1. – P. 16–60.
  13. Borisenkov, E. P. Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavlenii prirody [A thousand-year chronicle of extraordinary natural phenomena] / E. P. Borisenkov, V. M. Paset-sky. – Moscow, 1988. – 526 p.
  14. Koltsov, L. V. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurechya. Pamyatniki butovskoi kultury [Mesolithic of the Volga-Oka interfluve. Sites of Butovo culture] / L. V. Koltsov, M. G. Zhilin. – Moscow: Nauka, 1999. – 155 p.
  15. Sorokin, A. N. Problemy mezolitovedeniya [Problems of Mesolithic studies] / A. N. Sorokin. – Moscow, 2006. – 214 p.
  16. Karmanov, V. N. Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka [Neolithic of the European North-East] / V. N. Karmanov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, Publ., 2008. – 226 p.
  17. Tsvetkova, N. A. Perehod ot mezolita k neolitu na Verhnei Volge [The transition from the Mesolithic to the Neolithic on the Upper Volga] / A. N. Tsvetkova // Samarskii nauch-nii vestnik. Istoricheskie nauki i arheologiya [Samara Sci. Bull. Historical sciences and archeology]. – 2019. – Vol. 8. – No. 3. – P. 119–131.
  18. Khaidu, P. Uralskie yaziky i narody [Ural languages and peoples] / P. Khaidu. – Moscow, 1985. – 430 p.
  19. Kratkaya istoriya Vengrii. S drevneishih vremen do nashih dnei [Brief history of Hungary. From ancient times to the present day] / Ed. T. M. Islamov. – Moscow, 1991. – 606 p.
  20. Savelyeva, E. A. Uralskie narody [Ural peoples] / E. A. Savelyeva // Atlas of the Komi Republic. – Moscow, 2001. – P. 102–107.
  21. Krainov, D. A. Verhnevolzhskaya kultura [Upper Volga culture] / D. A. Krainov // Neolit Severnoi Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]. – Moscow, 1996. – P. 166–172.
  22. Borisenkov, E. P. Klimat i deyatelnost' cheloveka [Climate and human activity] / E. P. Borisenkov. – Moscow, 1982. – 133 p.
  23. Karmanov, V. N. Lyalovskaya kultura na Evropeiskom Severo-Vostoke [Lyalovo culture in the European North-East] / V. N. Karmanov // Arheologiya Volgo-Uralya [Archeology of the Volga-Ural region]. – Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. – Vol. 1. – P. 323–335.
  24. Khalikov, A. Kh. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzhya [Ancient history of the Middle Volga region] / A. Kh. Khalikov. – Moscow, 1969. – 395 p.
  25. Gumilyov, L. N. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth] / L. N. Gumilyov. – Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990. – 526 p.
  26. Yutikkala, E. Istoriya Finlyandii s drevnosti do stabilizatsii samostoyatelnosti v 1939 g. [History of Finland from antiquity to the stabilization of independence in 1939] / E. Yutikkala // Pribaltiisko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov [Baltic-Finnish peoples. History and fate of related peoples]. – Jyväskylä, 1995. – P. 39–67.
  27. Karmanov, V. N. Poselenie epohi rannego metalla Vadnyur I na srednei Vychege (po materialam raskopok 2014 goda) [Early Metal Age settlement Vadnyur I in the middle Vychege (based on excavations in 2014)] / V. N. Karmanov // Problemy arheologicheskogo izucheniya Severo-Vostoka Evropy [Problems of archaeological study of the North-East Europe]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2018. – P. 55–85.
  28. Veresh, P. Problema opredeleniya finno-ugorskoj prarodiny v svete novykh dannykh [The problem of determining the Finno-Ugric ancestral home in the light of new data] / P. Veresh // Etnografiya narodov Zapadnoi Sibiri [Ethnography of the peoples of Western Siberia]. – Novosibirsk: Nauka, 1978. – P. 95–105.
  29. Kahk, J. Istoriya Estonskoi SSR [History of the Estonian SSR] / J. Kahk, K. Silivask. – Tallinn, 1987. – 233 p.
  30. Jarv, A. Istoriya Estonii [History of Estonia] / A. Jarv // Pribaltiisko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov [Baltic-Finnish peoples. History and fate of related peoples]. – Jyväskylä, 1995. – P. 99–144.
  31. Zbrueva, A. V. Dnevnik arheologicheskogo otryada ekspeditsii Instituta etnografii AN SSSR 1945 g. [Diary of the archaeological expedition team of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1945] / A. V. Zbrueva // Sci. archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 204.
  32. Chernykh, E. N. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)] / E. N. Chernykh, S. V. Kuzminykh. – Moscow, 1989. – 320 p.
  33. Borisenkov, E. P. Extremalnie prirodnie yavleniya v russkikh letopisyah XI–XVII vv. [Extreme natural phenomena in

- Russian chronicles of the XI–XVII centuries] / E. P. Borisenkov, V. M. Pasetsky. – Leningrad, 1983. – 240 p.
34. Nauchnii muzei arheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka IyaLI FITs Komi NTs UrO RAN [Scientific Museum of Archaeology of the European North-East of the Inst. of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. Coll. No. 710/57.
  35. Istoriya Urala s drevneishih vremen do 1861 g. [History of the Urals from ancient times to 1861] / Ed. A.A. Preobrazhensky. – Moscow, 1989. – 604 p.
  36. Murygin, A. M. Migratsionnii faktor v razvitii srednevekovykh kultur Severnogo Priuralya [Migration factor in the development of medieval cultures of the Northern Urals] / A. M. Murygin, K. S. Korolev, V. A. Lyashev. – Syktyvkar, 1984. – 54 p.
  37. Savelyeva, E. A. Perm Vychevodskaya [Vychevda Perm. On the problem of the origin of the Komi people] / E. A. Savelyeva. – Moscow: Nauka, 1971. – 228 p.
  38. Savelyeva, E. A. Perm Vychevodskaya [Vychevda Perm] / E. A. Savelyeva, K. S. Korolev, T. V. Istomina // Finno-ugry Povolzhya i Priuralya v srednie veka [Finno-Ugrians of the Volga and Urals in the Middle Ages]. – Izhevsk, 1999. – P. 299–349.
  39. Zherebtsov, L. N. Istoriko-kulturnie vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [Historical and cultural relationships of the Komi with neighboring peoples] / L. N. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 1982. – 224 p.
  40. Chesnokova, N. N. Mestonahozhdenie Nidzyas v raione Syktyvkar [Location of Nidzyas in the Syktyvkar region] / N. N. Chesnokova // Materialy k etnicheskoi istorii Evropeiskogo Severo-Vostoka [Materials on the ethnic history of the European North-East]: Interuniversity collection of sci. papers. – Perm: Perm University, 1985. – P. 153–156.
  41. Savelyeva, E. A. Vymskie mogilniki XI–XIV vv. [Vym' burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad State University, 1987. – 200 p.
  42. Savelyeva, E. A. Kichilkoskii I mogilnik XI–XII vv. [Kichilkos I burial ground of the XI–XIII centuries] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar, 2019. – 232 p.
  43. Zherebtsov, I. L. Vliyanie izmenenii klimata na processy zaseleniya Evropeiskogo Severa Rossii [The influence of climate change on the processes of settlement of the European North of Russia] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2007. – 32 p.
  44. Zherebtsov, I. L. Izmenenie klimata i demograficheskaya istoriya Evropeiskogo Severa [Climate change and demographic history of the European North] / I. L. Zherebtsov // Identichnost' i izmenyayuschisya mir [Identity and the changing world]: (Materials for the discussion at the V World Congress of Finno-Ugric Peoples, Khaty-Mansiysk, Russia. 2008). – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2008. – P. 31–47.
  45. Zherebtsov, I. L. Tysyacheletie naroda komi: vremya, klimat, chelovek [Millennium of the Komi people: time, climate, people] / I. L. Zherebtsov // Priroda [Nature]. – 2000. – No. 7. – P. 71–75.
  46. Zherebtsov, I. L. K voprosu o roli klimaticheskogo faktora v istorii finno-ugorskih narodov [On the problem of the role of the climatic factor in the history of the Finno-Ugric peoples] / I. L. Zherebtsov // Etnodemograficheskie i etnokulturnie processy na Krainem Severe Evrazii [Ethnodemographic and ethnocultural processes in the Far North of Eurasia]. – Syktyvkar, 2004. – Issue. 1. – P. 5–43.
  47. Lashuk, L. P. Stoyanka Krasnaya Gora bliz Syktyvkar [Krasnaya Gora site near Syktyvkar] / L. P. Lashuk // Izvestiya Komi filiala VGO [News of the Komi Branch of the All-Russian Geographical Society]. – Syktyvkar, 1955. – Issue. 3. – P. 72–77.
  48. Vychevodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [Vychevda-Vym' (Misailo-Evtikhiev) chronicle] // Rodniki Parmy-89 [Springs of Parma-89]. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 1989. – P. 23–34.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом археологии, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Igor O. Vaskul – Cand. Sci. (History), Deputy Director on Scientific Work, Head of the Department of Archaeology, Leading Researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Поселения в устье реки Сысолы в древности и средневековье (к вопросу о влиянии климатических изменений на миграционные процессы) / И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 6–15.

For citation:

Zherebtsov, I. L. Settlements at the mouth of the Sysola river in ancient times and the Middle Ages (on the impact of climate change on migration processes) / I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 6–15.

Дата поступления статьи: 21.09.2023

Прошла рецензирование: 25.09.2023

Принято решение о публикации: 28.09.2023

Received: 21.09.2023

Reviewed: 25.09.2023

Accepted: 28.09.2023